

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕНОСЫ (ENJAMBEMENTS) В МИСТЕРИИ В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ИЖОРСКИЙ»

В статье приводятся результаты анализа стихотворных переносов в мистерии В.К. Кюхельбекера «Ижорский» с точки зрения частотности и структуры. Полученные статистические данные рассматриваются в контекстах ранней трагедии В.К. Кюхельбекера «Аргивяне» и драматических произведений А.С. Пушкина.

Ключевые слова: В.К. Кюхельбекер, А.С. Пушкин, трагедия, мистерия, стихосложение, стихотворный перенос (enjambement).

Настоящая статья является продолжением темы «Enjambements (далее – enj) в поэзии В.К. Кюхельбекера в контексте пушкинской традиции». В предыдущей работе нами была проанализирована ранняя трагедия В.К. Кюхельбекера «Аргивяне» [1]. Объектом анализа в данной работе является мистерия¹ В.К. Кюхельбекера «Ижорский» (1826–1841 гг.). В связи с этим для нас становится актуальным сопоставление драматических произведений, написанных автором в разный временной отрезок. Это представляется возможным благодаря единству подхода, применяемому в наших работах.

Анализ трагедии «Ижорский» выполнен по научному изданию Б-ки поэта [2]. Анализом охвачено 4805 строк. В качестве фона привлекаются данные по трагедии «Аргивяне» [1], а также данные С.А. Матяш по маленьким трагедиям и трагедии «Борис Годунов» [3].

Изложение результатов исследования предварим несколькими замечаниями. Первое замечание касается методики выявления enjambements. Мы используем концепцию, предложенную С.А. Матяш [4], согласно которой enj как ритмико-синтаксическое явление возникает, когда вертикальные синтаксические связи «оказываются сильнее горизонтальных, и он не возникает, если вертикальные связи по силе меньше или равны горизонтальным». Таким образом, предполагается учет всех синтаксических связей (и горизонтальных, и вертикальных), однако роль оформленной стиховой паузы не абсолютизируется. Для определения силы синтаксических связей мы использовали иерархию силы синтаксических связей, разра-

ботанную М.Л. Гаспаровым и Т.В. Скулачевой [5]. Рассмотрим два фрагмента:

1) И даже волоса не сожжены / У Лидиньки: так бросьте же печали².

2) Он уши свету прожужжал / Про чистую любовь к наукам; <...>

В первом случае вертикальные связи (дополнительные, с косвенным дополнением) оказываются сильнее горизонтальных (предикативных), конец строки «требует» продолжения оборванной фразы. В данном случае возникает явление enj. Второй пример демонстрирует, что в первой и второй строках имеются сильные связи (связь дополнительная, с косвенным дополнением, в первой строке и связь определительная во второй строке). Эти связи оказываются сильнее, чем вертикальные, они не дают возникнуть явлению enj.

Второе замечание касается параметров исследования enj: 1) частотность; 2) традиционное соотношение типов enj – rejet (r), contre-rejet (c-r), double-rejet (d-r); 3) доля мужских (м), женских (ж), дактилических (д) словоразделов в «нижней» строке переноса; 4) соотношение контактных (к) и дистантных (д) связей между словами, разорванными концом строки; 5) набор и частотность синтаксических связей по вертикали.

Полученные результаты сведены в таблицы. Приступим к их рассмотрению.

Частотность переносов. Как видно из таблицы 1, переносы в мистерии «Ижорский» Кюхельбекера составляют 4,7%, что существенно превышает данный показатель в трагедии «Аргивяне» (1,75). Если иметь в виду опыт малень-

¹ Определение жанра принадлежит автору.

² Здесь и далее оставленные или перенесенные слова подчеркиваются, курсивом маркируются слова, с которыми у оставленных или перенесенных слов образуется синтаксическая связь.

ких трагедий Пушкина, переносы в которых в среднем составляют 20,4%, то можно отметить стремление Кюхельбекера к увеличению количества переносов вслед за Пушкиным, трагедии которого хронологически завершены были раньше (1830).

Такая частотность переносов в «Ижорском» свойственна для говорной интонации, которая является ведущей в тексте мистерии. Композиционно в драме выделены 3 части, каждая из которых включает в себя 3 действия. Отметим, что концентрация переносов в каждой части различна (1 часть – 15%, 2 часть – 55%, 3 часть – 30%), что мы связываем с различной степенью напряженности частей в сюжетном отношении. Наиболее активно автор использует переносы в третьем действии второй части. Так, реплика Ижорского, которая занимает 13 строк, содержит 4 переноса, причем один переходит в другой: «<...>; впрочем, / Над вашей хитростью немного попохожем: / Уж слишком романтически она / Придумана, уж слишком мудрена!» Здесь же читаем: «Бежать от жениха к любовнику – и в маске, / В чехмене казачка ... положим, но опять / Явиться для чего, и это как понять?». Концентрацию можно объяснить выразительной функцией переносов: так автор старается передать внутреннее волнение героя, имитирует речь «взахлеб» [6].

Что касается типов переноса, то отметим, что в мистерии «Ижорский» представлены все три типа переносов: г («Я счастья в странах роскошного Востока / Искал, в Аравии, в Иране золотом»), с-г («Повелеваю: предо мною / Мои все тайны обнажи»), d-г («И слезы! продолжай: надоедать мне право / Ты приобрел. Но не обманешь, нет!»). Частотность типов разная, что продемонстрировано в таблице 1. Лидируют переносы типа d-г (45,3), второе место занимают переносы типа с-г (38,7), тип г является наименее частотным (16,0).

Анализируя аналогичные данные по ранней трагедии (г – 11,3; с-г – 71,7; d-г – 17,0) и пушкинским трагедиям («Борис Годунов»: г – 16,7; с-г – 32,0; d-г – 51,3; «Маленькие трагедии»: г – 10,4; с-г – 24,6; d-г – 65,0), приходим к выводу, что изменение пропорции типов переносов (сокращение доли с-г и увеличение d-г) произошло под влиянием трагедий Пушкина.

Показатели мужских, женских и дактилических словоразделов в нижней строке, представленные в таблице 2 (данные относятся только к типам г и d-г), показывают, что среди словоразделов прослеживается преобладание мужских (39,1): «Какое дело мне? я твой слуга, служу, / Молчу; <...>». Отметим, что доля переносов с мужским словоразделом близка к доле переносов с женским (37,0): «Что ж? вам я признавалась / И признаюсь ... <...>». Дактилический словораздел составляет меньшую часть (23,9): «<...> – с ума ли / Сошел ты, Васенька? <...>». В трагедии «Аргивяне» наблюдаем похожую картину, но отметим, что переносов с мужским словоразделом почти в шесть раз больше, чем с женским. Иную ситуацию наблюдаем в «Борисе Годунове»: здесь преобладает дактилический словораздел, на втором месте – мужской словораздел, соответственно, женский – на третьем.

В таблице 3 демонстрируются доля контактных связей (доля дистантных составляет оставшуюся от 100 часть) и их соотношение по типам переносов. С.А. Матяш отмечает, что «контактные связи – это связи с нулевым интервалом между синтаксически связанными, но разорванными концом строки словами» («А так в игре ему везет! Скажу вам: вот / Тупалов, – вышел голый из ворот») [7]. Мы наблюдаем превосходство контактных связей (55,0), причем в типе d-г данные связи более частотны (63,7), что типологически сопоставимо с аналогичными данными в ранней трагедии «Аргивяне» (41,5), в трагедиях Пушкина (в «Борисе Годунове» – 79,2; в «Маленьких трагедиях» – 74,1).

Следует отметить, что нами были обнаружены и шесть затяжных переносов³ («Неблагодарная! она – / Нет бала, нет собранья, - / Полком поклонников окружена;», «Благодарю покорно! Но я вам / Себя – в свою мне очередь поверьте – / Без наказания унижать не дам!», «<...>. Вот она / Теперь, лишенная утех, надежды, сна, / В светелке по тебе, по миллом, стонет, <...>», «Ну, слава богу, – напоследок / Я от соседей и соседок / Избавился, <...>», «<...> – До зари, / Как ни стонали воздух, море, суша, / Как ни гремел по бурной тверди гром, / Ты спал и – богатырским сном», «Об этом после. Ты же, / Как посмотрю тебя поближе, / Сдается мне, Ижорский»). Отметим, что харак-

³ «Затяжной» перенос возникает, когда «оставленное (или перенесенное) слово на пути к слову, с которым у него может возникнуть синтаксическая связь, встречает какое-либо препятствие» [7].

тер возникающей преграды разный: первые два примера демонстрируют «затяжку», возникающую в связи с использованием вставных конструкций; в третьем примере автор использует причастный оборот; в четвертом примере подобное явление достигается использованием ряда однородных членов; в пятом – однородных придаточных, последний же демонстрирует «затяжку» за счет вставных конструкций. Если обратить внимание на тип синтаксической связи, то можно отметить, что на долю переносов типа с -г приходится 3/5 от общего числа «затяжных» переносов. Словный интервал колеблется от 3 до 8. В трагедии «Аргивяне» нами был обнаружен один затяжной перенос, в трагедии «Борис Годунов» – 2 затяжных переноса.

Набор и частотность синтаксических связей нашли отражение в таблице 4. Здесь следу-

ет отметить, что диапазон синтаксических связей шире, чем в трагедии «Аргивяне». Нами обнаружены слабые синтаксические связи: От (при вводных и обособленных оборотах): «Еще бы их застать! да, чай, / Они уж въехали в заставу»; Пч (подчинительные): «Как убивать людей», убил Веснова, что / Тебя я от хлопот избавил», «Тьфу! Было так тепло: боюся, / Не растопился ли – жирненок – мой живот». Ощутимы связи Од (при однородных членах): «На чем же я остановлюсь? и веря / И вместе и не веря, что начну?» Сильные синтаксические связи бесспорно лидируют. Кюхельбекер явно отдает предпочтение связям Пр (предикативным) и Об (обстоятельственным): «Могу любимым быть, что я / Могу сказать ей: «Ты моя!» и «И мы отправились отголь / К ученому; <...>» соответственно. Дк (дополнительные, с косвенным до-

Таблица 1. Частотность и типы переносов

Произведения	Всего строк	Всего переносов	Частотность	Типы переносов		
				г	с-г	d-г
Ижорский 1826–1841	4805	225	4,7	16,0	38,7	45,3
Аргивяне 1824	3023	53	1,75	11,3	71,7	17,0
Борис Годунов 1825	1558	150	9,6	16,7	32,0	51,3
Маленькие трагедии в целом	1316	268	20,4	10,4	24,6	65,0

Таблица 2. Мужские (м), женские (ж) и дактилические (д) словоразделы

Произведения	Словоразделы		
	м	ж	д
Ижорский 1826–1841	39,1	37,0	23,9
Аргивяне 1824	73,4	13,3	13,3
Борис Годунов 1825	46,7	7,8	52,0
Маленькие трагедии в целом	44,5	33,2	22,3

Таблица 3. Доля контактных связей при переносе (в% от числа переносов в типе)

Произведения	Всего	г	с-г	d-г
Ижорский 1826–1841	55,5	55,5	46,0	63,7
Аргивяне 1824	41,5	66,7	31,6	66,7
Борис Годунов 1825	66,7	56,6	52,1	79,2
Маленькие трагедии в целом	68,3	50,0	60,6	74,1

Таблица 4. Набор и частотность синтаксических связей при переносе

Произведения	Св	Оп	Дп	Дк	Об	Пр	Од	От	Пч	Сч
Ижорский 1826–1841	9,3	9,8	8,0	19,1	19,6	21,3	8,4	3,6	0,9	–
Аргивяне 1824	13,2	3,8	7,5	26,4	13,2	34,0	1,9	–	–	–
Борис Годунов 1825	11,3	8,7	10,0	20,0	26,7	17,3	4,7	1,3	–	–
Маленькие трагедии в целом	12,0	2,2	10,8	19,4	26,5	16,8	4,1	4,5	1,1	2,6

полнением) занимают третье место (19,1): «Есть кое-что, и вам / За что купил, за то продам». Отметим, что особое место занимают Св (сверх-сильные связи), их доля составляет 9,3%: «Что ж? может быть; и правда; но / Не будет мне и то спокойствие дано», «Не занимать мне; но / Я у министра не бывал давно». На долю Оп (определятельных) приходится 9,8%: «Прибегнешь поневоле к духу / Служебному<...>», чуть реже Дп (дополнительные, при прямом дополнении) (8,0): «Суровый сын войны, благослови / Все-вышнего <...>».

Подобное лидерство сильных синтаксических связей наблюдаем в «Маленьких трагедиях», особенно в «Пире во время чумы».

Подводя итог комментирования наших данных, дадим следующую суммарную характеристику епј в мистерии «Ижорский» в двух контекстах. Сопоставление поздней и ранней драм показывает, что частотность переносов увеличивается почти в три раза. Внутри трагедии «Ижорский» переносы распределены неравномерно, что связано с сюжетно-композиционными особенностями произведения. Пропорции епј меняются: на первый план выдвигается тип d-г, отодвигая тип с-г на второе место; пока-

затель мужских словоразделов слабо превышает остальные показатели; доля контактных связей увеличивается; набор синтаксических связей расширяется, появляются слабые От и Пч. Лидируют те же сильные связи, но в других пропорциях.

Рассмотрение драмы «Ижорский» в аспекте пушкинских трагедий свидетельствует о том, что частотность епј ниже в два раза; показатели словоразделов противоположны; доля контактных связей ниже, наблюдается значительное увеличение числа затяжных переносов, что может быть симптомом наличия эпического начала; синтаксические связи имеют более широкую палитру (появление Пч), среди лидеров – сильные связи в иной пропорции. В трагедии Пушкина на первое место выходит Об, что характерно для поэмы. В трагедии же Кюхельбекера явный лидер – Пр, активное использование которого характерно для драматических произведений.

Таким образом, изменения, произошедшие с Кюхельбекером-драматургом, мы связываем с влиянием пушкинских трагедий. Разговорная природа трагедии переплетается здесь с повествовательностью.

25.01.2014

Список литературы:

1. Самогаева, Н.А. Переносы (enjambements) в трагедиях В.К. Кюхельбекера «Аргивяне» и А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Четвертые Измайловские чтения, посвященные 180-летию поездки А.С. Пушкина в Оренбург. Материалы. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. – С. 225-229.
2. Кюхельбекер, В.К. Избранные произведения. М. – Л. Сов. писатель, 1967. – 666 с.
3. Матяш, С.А. Стихотворные переносы (enjambements) в маленьких трагедиях Пушкина // Вестник ОГУ. – 2009. – №11. – С. 8-13.
4. Матяш, С.А. Стихотворный перенос: К проблеме взаимодействия ритма и синтаксиса // Русский стих: в честь 60-летия М.Л. Гаспарова. – М., 1996. – С. 189-202.
5. Гаспаров, М.Л., Скулачева, Т.В. Статьи о лингвистике стиха. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 288 с.
6. Федотов, О.И. Основы теории литературы. – М.: Владос, 2003. – С.97-101.
7. Матяш, С.А. «Затяжной» перенос в русском стихотворном эпосе // Славянский стих. VII. Лингвистика и структура стиха. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 206-220.
8. Матяш, С.А. К истории и типологии стихотворного переноса // Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С.172-186.
9. Холшевников, В.Е. Ораторский стих // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Сов. Энцикл., 1962-1978. Т. 5: Мурари – Припев. – 1968. – Стб. 454-455.
10. Гаспаров М.Л., Вишневский, К.Д. Стихосложение // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) – М.: Сов. Энцикл., 1981. – С. 541-549.

Сведения об авторе:

Самогаева Наталья Александровна, соискатель кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, e-mail: chekasina56@yandex.ru